

**Перспективы
социальной консолидации**

Круглый стол

**МЕДИАЦИЯ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ***
Институт социологии РАН. 22 февраля 2013 г.
Часть 5

Организаторы Круглого стола:

Центр политологии и политической социологии,
Центр социологии управления и социальных технологий
Института социологии РАН
совместно с Российским обществом социологов (РОС)

Ведущие: А.П. Давыдов, А.С. Железняков, А.В. Тихонов

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ. Предлагаемое сообщение – **Парадоксальность реализации медиации** – я попытался выстроить, отталкиваясь от наболевшего, с инверсивностью России – к цивилизационному парадоксу реализованной медиации и отсюда к методологии меры и гармонии. Надеюсь, такая логика даст возможность развертывания содержания категории медиации...

Напомню только, что термин «медиация» был введен К. Леви-Стросом для обозначения альтернативы сложившимся в рамках культуры смысловым структурам. Согласно А.С. Ахиезеру, неявному участнику нашего обсуждения, *медиация есть процесс и результат рефлексивного поиска выхода за рамки сложившейся культуры*. В этом плане медиация противостоит партиципации как воспроизводству сложившихся стереотипов. Следствием доминирования партиципации становится неспособность выработки механизмов последовательного кумулятивного развития и систематические инверсии: хождения по кругу, «шараханья» между противоположными стереотипами, неспособность выйти за их рамки. *Главным условием реализации медиации является рефлексивная деятельность субъекта, способного к ответственному самоопределению*. Этот комплекс идей был положен А.С. Ахиезером в основу его весьма внятной и ясной модели объяснения особенностей динамики исторического развития российского общества как преимущественно инверсивного.

* Продолжение. Начало см.: ФН. 2013. № 11, 12; 2014. № 1, 2.

Поэтому — прошу простить, но представляется вполне естественным начать с наболевшего — с России.

В данном сообщении я предполагаю рассмотреть два основных вопроса. Во-первых, химерический характер медиации применительно к России. Во-вторых, перспективы медиации в условиях современного массового общества и постсекулярных тенденций. Это выводит к третьему вопросу, уже сугубо методологическому, — об иррациональности меры, свободы и ответственности, что открывает новые перспективы анализа, но, как мне представляется, уже выходит за рамки данной дискуссии.

(1) Современная Россия химерически медиационна

Медиация — условие достижения стабильности (консолидации) и на этой основе — устойчивого (кумулятивного) развития общества. Россия же — пример общества, развивающегося реверсивными циклами, которые А.С. Ахиезером описаны систематично и убедительно. Что стоит за этой «упорной» инверсивностью?

Алексей Платонович недавно написал замечательную книгу «Неполитический либерализм в России». Концепт неполитического либерализма чрезвычайно важен для понимания особенностей российской истории, настоящего, а значит и перспектив. А главное — причин непонимания либерализма как мировоззрения свободной и ответственной личности, мировоззрения, формирующего нравственно автономную личность — т.е. реального носителя медиационного сознания. Такая личность, способная к нравственному поведению не в силу внешних ограничений, а в силу внутренне выработанных и принятых правил, норм — идеал любой морали. Но либерализм не просто строится на основе идеала свободы как ответственности, а предполагает и отношение к другим людям как к столь же свободным и ответственным. В России же на протяжении всей ее истории, да и до сих пор свободу понимают как волю, а либерализм и демократию — как нечто противоположное личной морали, дисциплине и социальному порядку. И тогда становится ясным, что *главное в либерализме — не только, а главное — не столько экономическая или политическая либерализация, сколько либерализм именно личностный, неполитический, что и политический, и экономический либерализм невозможны без либерализма неполитического и без носителей этого мировоззрения.*

Алексей Платонович искал потенциал неполитического либерализма в русской культуре, в ее золотом фонде — литературной классике, в современной литературе и пришел к достаточно печальному выводу об отсутствии такого потенциала. Что за этим стоит? Какой дефект российского социума постоянно возвращает его в колею инверсивных шараханий? *Почему в России никак не сложится критическая масса носителей медиационного сознания?*

В поисках ответов можно воспользоваться недавно предложенной ценностно-нормативной моделью социогенеза. Ее основные идеи были опубликованы в «Философских науках» (2013. № 1). Поэтому кратко напомним главное.

В основе образования любой общности лежит стремление к **безопасности**. За этим стремлением стоят угрозы физическому существованию, страх перед неопределенностью окружающего мира. Вместе же легче выжить, отбиться от врагов, обеспечить пропитание, продолжить род. Кстати, это значение безопасности достаточно часто и широко используется в политике. Речь идет не только о вполне объяснимой необходимости обеспечения внешней и внутренней безопасности — от военной и экономической до информационной и продовольственной. Хорошо известны и политические манипуляции, когда общество запугивается, хорроризируется, когда формируется образ врага (внешнего, а то и внутреннего), выдвигается мысль о Великой Опасности, перед лицом которой всем следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Консолидация общества реализуется легче именно перед лицом реальной или выдуманной опасности, чем на позитивной, конструктивной основе. Поэтому безопасность можно отнести к базовым ценностям социогенеза.

Однако как только образуется некая общность, сразу же возникает еще одно стремление, связанное с проблемами признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, а вместе с ними и конфликты, переживания обид, зависти и рессентимента: «так не честно», «а почему ей (ему), а не мне», «давайте по правилам, справедливо»... Разрешение этих конфликтов, проблем связано с реализацией второй базовой ценности социогенеза — **справедливости**. Стремление к справедливости порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы и формы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха...

При этом сами эти представления, формальные и неформальные институты могут рассматриваться некоторыми членами общества как неправильные, несправедливые, что может давать импульс развитию, пересмотру норм и правил. Поэтому справедливость реализуется по двум направлениям: (1) формирования правил, запретов, норм, обеспечивающих социализацию членов данного социума; (2) развития этих норм за счет творчества, инициативы, самореализации отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

Традиционные общества обходятся первым вектором справедливости, рассматривая носителей творческих инициатив как нежелательных девиантов, по отношению к которым применяются различные санкции — вплоть до наказаний, изгнания, даже казни. Политическая история, история культуры знает тому много при-

меров. Кстати, именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», вынуждает некоторых творцов-инноваторов искать справедливости и удачи в других краях. Поэтому важным условием успешности модернизации, реализации инновационных проектов является мобильность населения. В этой связи ясной становится роль городов, агломераций — именно в них накапливается критическая масса социального капитала экономического, научного, политического и прочего развития.

Общество, основанное на воспроизводстве традиции, может обходиться реализацией безопасности и справедливости. Но если общество заинтересовано в развитии и творчестве, оно делает ставку также и на второй вектор справедливости, принимая еще одну базовую ценность — *свободу*, связанную с возможностями самореализации.

Таким образом, в общем случае, **ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода.**

Центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки в направлении как безопасности, так и свободы. Например, в случае кризиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако по мере политической, экономической стабилизации на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т.п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 г. под научным руководством Р. Инглхарта и охватившего более 80 стран. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход — от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности).

Роль справедливости, однако, связана с еще одним важнейшим обстоятельством: эта ценность выступает в качестве импульса формирования социальных институтов — как формальных, так и особенно — неформальных.

Формирование и развитие общества предполагают не только ценностные интенции, установки. Сами эти интенции формируют реализующие их институты — неформальные и формальные. К первым относятся обычаи, традиции, собственно и образующие культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Неформальные институты образуют основу (background) формализован-

ных представлений о справедливости, которые выражаются в праве. Наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

Институты реализуют не только представления о нормах, правилах, но и социальный контроль за их осуществлением, санкции по отношению к нарушениям и нарушителям. Неформальные институты могут дозревать до формальных институционализаций — организационных форм юридического лица, государственных органов, обеспечивающих реализацию соответствующих норм, а могут и надолго сохраняться на неформальном уровне.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно эмоционального, формирование «сплывающего» доверия (П. Рикёр), возникающего между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Однако относительно развитому социуму, особенно состоящему из представителей разных этносов, конфессий, сплывающего доверия недостаточно. Необходимо доверие институциональное, в рикёровской терминологии — «наводящее мосты» между разными группами и слоями общества. Главная задача права и государства состоит именно в задании такой общей для носителей разной культурной идентичности институциональной рамки, общих для всех правил жизни. Они задают гражданское самосознание, идентичность «Мы», преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность, консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

В этой связи можно говорить, что социогенез, существование и развитие конкретного социума осуществляются в пространстве, задаваемом на ценностной и институциональной осях, реализуя конкретный, специфический баланс соответствующих векторов. В этом пространстве легко позиционируются основные политические идеологии.

В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы).

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность — справедливость — свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения «профиля» конкретного общества, его политической культуры — в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров.

Так, под моим научным руководством на кафедре прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал) с привлечением студентов предпринята серия исследований в направлении сравнительного анализа и динамики политической культуры России. Исследование строилось как шкалированное анкетирование с просьбой оценить по 5-балльной шкале векторы по ценностной и нормативно-институциональной осям. Соответствующие оценки позволяли строить в ценностно-нормативной модели профиль политической культуры. Например, в исследовании А. Богдановой с опорой на базу данных Г. Хофстеде удалось сопоставить профили политических культур различных стран, а также динамику политической культуры РФ за последние годы (рис. 1 и рис. 2).

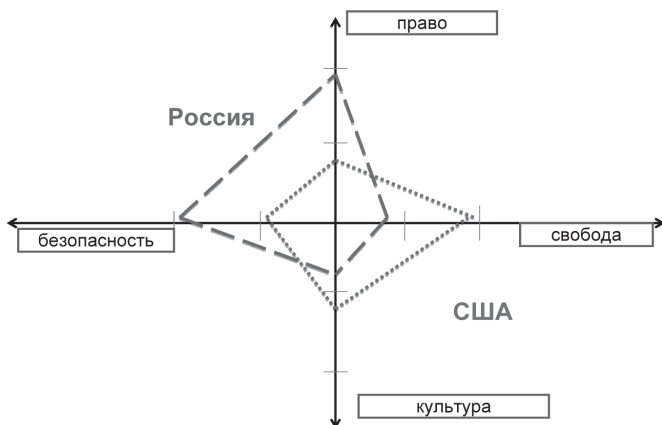

Рис. 1. Сравнение политической культуры России и США
(А. Богданова по данным Г. Хофстеде, 2013).

Рис. 2. Динамика российской политической культуры за 2008 – 2011 гг.
(А. Богданова, 2013 г.)

Исследование А. Камаева позволило сравнить для 12 основных социальных групп РФ профили существующей и желаемой политических культур. Ниже на рис. 3 приведены суммированные профили для всех этих групп.

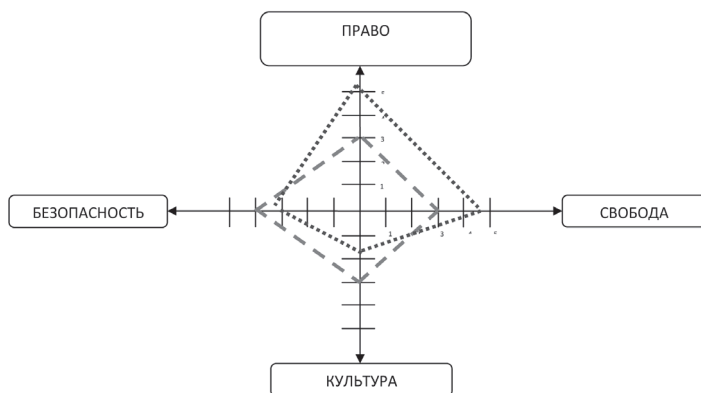

Рис. 3. Интегрированные существующий и желаемый профили российской политической культуры (А. Камаев, 2013 г.)

Различие этих профилей было бы еще более резким, но на общей картине желаемого профиля политической культуры сказался профиль политической культуры представителей РПЦ с его еще большим охранительским акцентом.

Эти примеры достаточно наглядно показывают свойственные российскому обществу доминирование традиционализма, правового нигилизма в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость институтов гражданского общества. Наглядно демонстрируется и дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. Более того, поскольку между ними нет институциональной связи, формальные институты в этой ситуации оказываются декоративными, а политическая система приобретает характер декоративного дизайна. Именно это обстоятельство приводит к печальным последствиям попытки реформирования российского общества на основе правовых моделей, вызревших в других социумах, располагающих развитой правовой культурой и правовым самосознанием понимания свободы как ответственности.

Кстати, именно этот институциональный фактор объясняет так называемый парадокс России, отмеченный в исследовании *World Values Survey* как «откат» за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном «откате», а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет

о движении не только по ценностной оси, а скорее по оси нормативно-институциональной, что, кстати, подтверждается приведенными выше данными исследования А. Богдановой.

В предложенной ценностно-нормативной модели политической культуры очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. Это и порождает инверсионные шарахания. *Попытки государственной элиты реализовать очередной догоняющий рынок оказываются несостоятельными в силу своей неукорененности в культуре и отсутствия полноценных институтов медиа́ции — прежде всего собственности и права.* И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества, для придания ему импульсов модернизации (в случае их реальной востребованности!) необходима достаточно тонкая и трудоемкая «нейрохирургия».

Эта деформация («травма») российского общества закреплена социально-демографически. На ценностно-нормативный комплекс справедливости как свободы и соответствующие институты прав человека, гарантий охраны собственности и т.п. ориентированы преимущественно жители больших городов, имеющие собственные источники доходов. На ценностно-нормативный комплекс этничности и безопасности ориентированы в большей степени жители малых городов и поселков, средства к существованию которых идут преимущественно из бюджета.

Поэтому **в плане медиа́тивности российское общество — химерическое образование.** Это общество тотального взаимного недоверия, что выражается, помимо прочего, в феномене «экономики недоверия», в которой органически отсутствует реальный запрос на модернизацию. Дивергенция по ценностной оси между безопасностью и самореализацией не может компенсироваться исключительно культуральным фактором (этническим, религиозным).

В современных условиях отсутствие гражданской идентичности компенсируется культурой массового общества, транслируемой СМИ, что и обеспечивает «консолидацию» общества. Возможно, при сохранении длительных благоприятных внешнеэкономических и внешнеполитических условий в стране способно сформироваться устойчивое ядро граждан (буржуа), заинтересованных в гражданской нации.

Буржуазная революция, начавшаяся в 1905 г. и продолженная в феврале 1917, была прервана. Наша страна вступила в массовое общество, не имея среднего класса, который только начал зарождаться в 1960-х (знаменитые дискуссии о вещизме, о мещанстве). Вторая

волна буржуазной революции в начале 1990-х, прежде всего — приватизация, в несколько причудливой форме, но ускорила этот процесс. События зимы 2011 — 2012 гг. показали, что третье сословие начало потихоньку проявляться. Все эти ролики с безобразиями на избирательных участках снимали молодые, вполне успешные люди на свои недешевые гаджеты. За годы «тучных коров» выросло поколение граждан, у которых появилась какая-то собственность, и они хотят, чтобы их право на эту собственность уважалось. Они платят налоги. Они ждут на переходе зеленый свет. Они поняли: чтобы все ехали, надо чтобы все придерживались правил, а если кто-то правила нарушает, то не едут все. У них не только появились интересы, но и некоторое достоинство. Они не хотят потрясений. Наоборот. Они хотят жить по правилам. И их обидели, даже оскорбили. Это был не политический, а гражданский протест. Никто из них не боролся за власть — они хотели привести власть в чувство, чтобы она соблюдала свои же правила. Во всем мире слово гражданин восходит к слову «горожанин»: бюргер, буржуа, мещанин... И проблема состоит в том, чтобы российское общество признало в новой буржуазии своего иногда непутевого, но сына, а эта буржуазия признала в российском обществе свою больную, полубезумную, но мать.

Надо только отдавать отчет, во-первых, в эфемерности такого шанса, а во-вторых — в противоречивости и парадоксальности природы самой медиации в наше время как на социальном, так и мировоззренческом уровнях.

Основные направления и технологии необходимой социальной инженерии по преодолению дисбаланса российского общества очевидны: опора на модернизационный потенциал (высокий уровень человеческого капитала, терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью) и преодоление нормативно-ценностных барьеров (правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, отсутствие реального запроса на инновации, взаимное недоверие, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования). Тем самым выявляются и условия реализации такой инженерии: обеспечение правовых гарантий личной инициативы, внятная социально-культурная политика с акцентированной ставкой на развитие городских агломераций, образование и молодежь.

В этой связи ключевым становится вопрос о доверии, «наводящем мосты», которое может быть задано только надэтнической и надконфессиональной идентичностью, связанной с функционированием государства. Если государство эту функцию не выполняет, если федеральная и региональные «элиты» дееспособны только в реализации личных и корпоративных интересов, несравненно более важных для них по сравнению с государственными и общественными нуждами,

то экономика оказывается неэффективной, граждане экономически и политически беспомощными, а политическая жизнь такого государства обесмысливается.

И вряд ли «заграница нам поможет». Как высмеянная В. Ерофеевым «Большая Американская Зая» (гуманитарная американская интеллигенция), так и французская, английская, канадская, да и индийская, и китайская, и японская «Большие Заи» убеждены, что Россия необходима миру для сохранения и продолжения духовности. Поэтому российский опыт поисков трансцендентного и утверждения «царствия небесного» или «светлого будущего» здесь и сейчас выглядит для части западной интеллигенции «глотком духовности». И неспроста.

Теперь самое время заглянуть в это возможное российское будущее — ситуацию в социумах «победившей медиации».

(2) Имманентность реализованной медиации и перспективы постсекуляризма

Медиация — закономерный итог и результат идей гуманизма Просвещения, реализованных к концу XX столетия в ряде стран цивилизационного фронта.

Катафатичность католицизма и особенно протестантизма обернулась гуманизмом Возрождения и Просвещения, буквальной реализацией которых стала массовая культура массового общества. Механизмы, ткани этой реализации вполне понятны тоже: рыночная экономика, урбанистический образ жизни, формирование третьего сословия (граждан, горожан, буржуа) как социальной базы. В политическом плане она выражается в демократии, в эпистемическом — в торжестве рациональности, в нахождении некоего общего знаменателя, общих онтологических (экзистенциальных) допущений, в экономическом плане это — маркетизация.

Об особенностях, специфике современного информационного общества массового потребления сказано и написано много, в том числе и мною. Кратко напомним несколько ключевых характеристик этого социума. В традиционном обществе ценности выстроены иерархически («вертикально») — от простейших потребностей до ценностей трансцендентного порядка (истина, добро, красота, Бог). Массовое общество на основе рыночной экономики «съело» эту вертикаль, которая, начиная снизу, по мере развития массового потребления, оседала, оседала, оседала... В результате этого приведения ценностей к общему знаменателю спроса, ценности превратились в рубрики рынка массового потребления, и мы имеем дело с уже с ценностно «плоским» миром. Моралисты называют это ценностным релятивизмом постмодерна, но надо понимать корни и природу этого релятивизма.

Это ни плохо и ни хорошо, это — некоторая фаза развития цивилизации. Речь идет о буквальной реализации великого проекта гуманизма Просвещения: «Все во имя человека!», «Все на благо человека!», «Человек есть мера всех вещей!» И мы знаем этого человека — это каждый из нас. Это общество и мир воплощения желаний, причем, желаний доступных. В этом мире право на существование имеет и существует только то, что кому-то нужно. Любая потребность, если она артикулирована, подлежит удовлетворению.

Но мир утратил вертикальное измерение, в том числе — трансцендентное. Это имманентный, самодостаточный мир. Борьбаться с этим продуктом и достижением цивилизации бессмысленно, но можно и должно противостоять его негативным последствиям. Так, маркизации, этой объективной «игре на понижение» могут противостоять задающие в плоском мире ценностные ориентиры гражданское общество, полноценная элита и внятная культурная политика. Отсутствие этих факторов делает общество беззащитным перед «игрой на понижение» и ценностным релятивизмом, превращая его в релятивизм нравственный. Именно эта ситуация имеет место в российском обществе. Поэтому именно на примере России наиболее отчетливо видны все неоднозначности реализации медиации, что отчасти объясняет парадоксальные ее проявления.

На одной из лекций Р. Инглхарта (с его результатами почти 40-летнего анализа динамики ценностей современного общества и общим трендом от ценностей выживания и безопасности к постматериальным ценностям свободы и самореализации) в питерском кампусе Высшей школы экономики возник вопрос о дальнейшей перспективе — после достижения «шведскости», т.е. полного торжества ценностей свободы и самореализации. И чем объяснить нарастающие межэтнические напряженности и конфликты в благополучных странах, снижение рождаемости, нарастание доли «правого» голосования в европейских странах? Исследователь ответил, что его интересовали только тенденции последних десятилетий, но не прогнозирование будущих. Очень честный и достойный ответ. Исследование с временным лагом в 40 лет — выдающийся результат. Но есть и несколько большие временные лаги...

А ситуация, между тем, удивительно напоминает последний этап Римской империи. Хорошие институты, развитая система права. Высокое качество жизни. Широкое развитие сферы досуга, развлечений и всевозможных удовольствий. Терпимость к отклонениям и порокам. И при этом — хорроризация, пророчества конца света, многочисленные мессии, тяга к трансцендентному. И хорошо известно, чем это закончилось: нашествием варваров и распространением христианства.

Обильный поток публикаций, посвященных осмыслению постсекулярности, связывает ее с «возвращением» религии. Она трактуется

либо в духе общей демократической толерантности как равноправной допустимости религиозного дискурса в публичной сфере (Дж. Ролз, Ю. Хабермас), либо как неизбежная важность религии для обоснования морали (Ч. Тэйлор, М. Сандел, П. Бергер). Однако, как представляется, дело не только и не столько в оживлении религиозных поисков (от фундаментализма и активизации ислама до разнообразных форм New Age), сколько в причинах, порождающих эти поиски. И одной из причин являются поиски выхода из медиационности.

Обозначим некоторые, если не негативные, то неоднозначные из этих последствий на примерах науки, искусства, политики... О ряде таких последствий подробно говорится в недавней серии публикаций в «Философских науках» (2013. № 3, 4), посвященной осмыслению постсекулярного характера современности.

Так, торжество рациональности обернулось кризисом рационализма. Сначала — крахом позитивистской программы методологии науки. Затем — установлением зависимости научного познания от ценностных и культуральных факторов (Т. Кун, П. Фейерабенд), признанием множества рациональностей, а науки — в качестве одной из ценностно-нормативных систем осмысления действительности, строящейся на фундаментальных метафорах (мифах). При этом существует множество трактовок главной ценности познания — истины, которые весьма легко переходят из одной в другую: истина как соответствие реальности, как целостность, как непротиворечивость, как соответствие неким идеалам, нормам и образцам...

Имманентный мир плоских «хотелок» выводит на первый план не разум, а эмоции. Это хорошо видно на примере философии, где за последние 100 лет тематика методологии научного знания была практически вытеснена попытками осмысления эмоционального содержания бытия (Dasein): экзистенциальных эмоций страха (ужаса), скуки (тоски)... При этом попытки осмысления не столько ориентированы на выработку рационально выстроенных представлений, сколько оказываются стилистически изощренными сочетаниями «означающих без означаемых», метафорических коннотаций. Это видно даже на примере программ бизнес-консультирования, где программы целерационального планирования, организации практически вытеснены многочисленными «психологическими тренингами» по любому поводу. В России же это обернулось полным пренебрежением к науке, образованию и здравоохранению, подменой их паранаучными, а то и откровенно шарлатанскими практиками. При устойчивости этой тенденции возникает угроза полной дискредитации знания как такового.

В «плоском» имманентном мире радикально изменилась роль искусства, которое раньше участвовало в социализации трансляцией нормы (типического). Теперь оно участвует в социализации за счет провокации, тестирования норм на их границы, когда

провокация заставляет задуматься — а это уже норма или еще нет. Это социализация, но иного рода: сцена, экран, выставочный зал стали официально признанными площадками, на которых творится недопустимое в обыденной жизни. Более того, с этой функцией искусство вышло на улицы.

Еще одно неоднозначное следствие имманентной секуляризации Дж. Агамбен, вслед за М. Хайдеггером, обозначил как «новую животность». Животное, включенное в причинно-следственные связи, находится в «оцепенении», оно неспособно отрефлексировать активизирующие его поведение факторы. Человек вроде бы обладает этой способностью. Но современное массовое секулярное информационное общество, дающее вроде бы ясное представление об активаторах (желаниях, потребностях) человеческого поведения, а главное — дающее возможность удовлетворения любых желаний, выводит человека на новый уровень «оцепенения», открытости бытия, лишенного включенности в открываемое. Речь идет о ситуации, когда все активаторы желаний известны, а желаний нет. Неоткрытость открытому миру, фундаментальная скука человеческого бытия, когда знание всех возможностей ведет к бездействию. Скуку как естественное состояние обрывают всякие растормаживатели, втягивая во внешние по отношению к человеку цепочки зависимостей. Вернее, они есть всегда, эти цепочки, только латентно существующие. А вот их активизация — активизирует человека. В современном сетевом социуме человек — игрушка каких-то активаторов, которые сами, в свою очередь, — не что иное, как самовозбуждающаяся сеть.

Можно говорить о нарастании роли мифологии и даже архаизации. В условиях информационного общества массового потребления авторитетность подменяется паблицитностью (известностью и узнаваемостью). Личность предстает как череда проектов, а маркетинг и PR становятся требованиями к жизненной компетентности. Функцию ориентации в мире выполняют бренды (товаров, компаний, регионов, стран, идей, персон) — как социальные мифы, в том числе апеллирующие к традиционной мифологии.

Проблема не в мифах, которые неизбежны для человеческого существования. Миф — фундаментальная метафора, обеспечивающая осмысление и понимание, это вера в большую реальность, лежащую за данной реальностью и делающую эту реальность реальностью. Даже наука в этом плане мифологична — по своему посылу расколдовывания мира, придания ему статуса «реальности», опираясь на некие базовые метафоры «поля», «волны», «частицы» и т.п. В этом плане сама метафора, в том числе научная метафоризация есть стремление к трансцендентному.

В условиях же плоского имманентного мира все метафоры приравниваются. С одной стороны, у всех них оказывается один

общий знаменатель маркетизации (спроса). С другой, все они имеют один онтологический статус и приравнены — нет абсолютной истины. А значит — нет большей реальности, чем вот эта. Так или иначе, но в современном обществе открытие новых связей (в науке), протест, реформы (в политике), инновация (в технике), вообще любое творчество не столько открывают «новые миры», сколько расширяют мир «этот», накапливая в нем большее разнообразие качеств и связей. Ну, и попутно — создавая новый сектор рынка.

Этот ценностно «плоский» мир становится все более самодостаточным, имманентным, не нуждающимся в новых измерениях. Он именно имманентен, замкнут на самого себя. Если в традиционном обществе человеческое «бытие под взглядом» (Ж.-П. Сартр) было объектом некоего трансцендентного (Божественного) взгляда, то теперь оно объект критического взгляда «других», окружающих его людей. И в этом плоском информатизированном мире таких «других» становится все больше, а человеческая жизнь становится все более прозрачной для их взглядов.

Поэтому нынешний мир информационного общества массового потребления не только плоский в ценностном плане, но он и лишен образа будущего. Даже в 1960-х была «научная фантастика». Сейчас — либо римейки, сиквелы, приквелы, бесконечные пародии, перепевы, «старые песни о главном», либо фэнтези в средневековой стилистике, когда нет банковского процента и все человеческие достоинства личностны и непосредственны. Его настоящее — не переход от прошлого в будущее, а пролиферация нарративов о прошлом, в которой имена и события меняют свои смыслы и содержание. Фактически речь идет о неспособности инвестировать настоящее в будущее, когда неуверенность в истине дополняется уверенностью в пересмотрах. Самовоспроизведение, саморепродуцирование стало смыслом творчества. «Новое» в этом искусстве — не иное, а «неузнаваемое обычное», вроде редимейда, помещаемого из обыденного в вечное. А наращивание разнообразия означающих без означаемых превращает коммуникацию, науку, искусство в «разговоры ни о чем».

Архаизация проявляется в том числе и в нарастающей феминности современного общества. И дело отнюдь не в феминизме. Ценности общества массового потребления: здоровье, достаток, жизненный успех, любовь-морковь, семья, дети... Это ценности этого мира и одновременно это ценности преимущественно феминные. В обществе массового потребления главная «целевая группа» — женщины. Именно им, прежде всего, адресуется реклама, они — главные посетители дворцов культуры массового потребления. В этой ситуации традиционные мужские ценности носят сервильный, обслуживающий характер ценностей базовых — феминных. Это ни хорошо и ни плохо. Это факт. Как и то, что женщины — существа лучше укорененные в этом

мире, чем мужчины в силу центристскости мировосприятия и мироощущения, в отличие от мужского — центробежного.

Ценностный релятивизм при поверхностном понимании «диалога культур» и «мультикультурализма» в условиях объективного процесса глобализации оборачиваются издержками поверхностного и неглубокого понимания условий реализации прав человека и толерантности. Можно говорить о радикальном кризисе либерализма, источниками которого были рационалистический сайентизм, этический утилитаризм и политическая культура надэтнической и надконфессиональной имперскости. Поэтому кризис источников закономерно подводит к вызову их идеологическому выражению. Например, как быть с толерантностью к нетолерантным? Веер других примеров таких издержек достаточно широк: от проблем биоэтики (порожденных достижениями геномной инженерии, трансплантологии, медицины) до этно-культурных напряжений и конфликтов. Неоднозначность проблем и решений вырастают до масштаба политических и международных. Россия еще только погружается в эту неоднозначную ситуацию.

По крайней мере очевидно, что либералистскому постмодернизму оказалось нечего противопоставить фундаментализму. Выявилась глубокая противоречивость либеральной демократии в целом, основанной на двух противоречащих друг другу секулярных мифах:

- просвещенческом представлении политики как дискурса публичного разума, опора которого на «объективное знание» позволяет элите возглавлять общественное развитие;
- революционаристском, эгалитаристском мифе всеобщего избирательного права, политики больших чисел, в которых представление коллективной воли определяется путем подсчета мнений и фантазий индивидуальных граждан-избирателей. Более того, начиная с уравнительной справедливости (равенства перед законом, равенства возможностей), либерализм в теории справедливости Дж. Ролза пришел к изощренным техникам равенства распределительного.

Важно понять, что никакие культуры никогда ни в какой «диалог» не вступают. Каждая культура самодостаточна и содержит ответы на все вопросы. В диалог вступают только личности. Только у личности могут возникнуть вопросы, ответы на которые требуют выхода за некие привычные рамки стереотипов.

И вот тут, похоже, нащупывается главное.

Человек как существо, наделенное сознанием, не может быть замкнут в имманентности, действительно чреватой «новой животностью». Как существо конечное в пространстве и времени он пытается постичь бесконечное разнообразие мира всегда с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысле. Животное не просто сканирует реальность, оно само часть этой реальности. **Наделенный сознанием**

человек, являясь носителем трансцендентального субъекта, стремится заглянуть, зайти за экран сущего — подобно главному герою кинофильма «Шоу Трумана» или путнику с известной гравюры, иллюстрирующей Птолемееву модель мироздания.

Действительно, условием осмысления является способность выхода в некий *out*, в «позицию вненаходимости» (М.М. Бахтин), в некий контекст. Так, смысл слова становится ясным из фразы, смысл фразы — из текста, смысл текста — из контекста. Смысл жизни — не в самой жизни. Для его обнаружения надо выйти в некий контекст, придающий жизни смысл, в нечто большее, чем конечное существование. И человек, в отличие от животного, способен к такому переходу, к трансцендированию в иное. В том числе — к рефлексии, дающей ему опыт самопознания, выхода в *out*, открывающий ему самого себя. Этот опыт трансцендирования открывает человеку путь к овладению причинно-следственными связями, к преодолению своей животности, овладению ею.

И тогда становится ясным, что когда речь идет о современности как постсекулярности, то дело не сводится к формам религиозности. Дело в неизбежном запросе на трансцендентное, даже в тоске буржуазного плоского мира по трансцендентному, и в формах реализации ответа на этот запрос. Вопрос о современности — это вопрос о реализации тяги к трансцендированию, **о поисках новой трансцендентности**. Что стоит за этими поисками? Чем они оборачиваются для социальной реальности? Это действие некоего иммунитета, реагирующего на ощущение угрозы «новой животности»? Насколько существенна в этом роль религиозности?

Что касается активизации новой религиозности, то сама по себе фундаменталистская ориентация апеллирует к ритуалу, к материальной форме религиозности, в чем-то схожей с машиноподобной автоматически воспроизводимой репродукцией. Парадоксально, но в этом фундаментализм совпадает с наиболее радикальным результатом секуляризированного Просвещения. Поэтому Б. Гройс во многом прав, утверждая, что фундаментализм есть религиозность постмодерна с его установкой на буквальное повторение.

Запрос на трансцендирование выражается также как в критике, которая предполагает выход в *out* по отношению к окружающей действительности, так и в поиске нового, в открытии и освоении этого нового. В обоих случаях речь идет о неудовлетворенности настоящим, о нежелании ограничиваться комбинациями и модификациями старого.

Почему эти поиски проявляются большей частью в радикализме? С одной стороны, — в правом, фундаменталистском радикализме, апеллирующем к необходимости культивирования религиозных практик, дающих опыт трансцендирования в иное, основывающих отношения

в этом мире на отсылках к религиозной трансценденции. С другой стороны, — в левом революционаристском протесте, свойственном современному искусству, гуманитарно-творческой интеллигенции.

Но насколько левая эта левизна? Насколько она привязана к социалистическим идеям? Не является ли это просто проявлением антибуржуазности, неприятием и отталкиванием имманентного плоского мира?

Характерно главное: оба тренда — «фундаменталистский» и «революционаристский» — по сути дела сходятся. Оба «растворяют» личность в некоей сверхжизненной идее, обладающей колоссальной смысложизненной силой, выводящей существование в новый горизонт. Личность предстает не самоценной сущностью, а средством реализации этой идеи, этой силы, а человеческая жизнь получает мощное обоснование, придающее ей смысл и оправдание. Недаром, как свидетельствуют очевидцы, прошедшие гитлеровские и сталинские лагеря, выживали в них люди находившие (или устанавливавшие для себя) какие-то правила поведения, выходившие за рамки лагерного регламента. В первую очередь это были глубоко религиозные люди и люди, преданные некоей политической идее.

Вопрос о свободе как ответственности в этом контексте трансформируется в ответственность служения идее — религиозной, политической, научной... И эта свобода воли как «воля к неволе» обладает колоссальной притягательностью, поскольку снимает с человека проблему морального выбора в текущей жизни: выбор предопределен полной самоотдачей.

В каком-то смысле **поиск трансцендентного** оборачивается «бегством от свободы», но от свободы институциональной, тогда как сопричастность трансцендентному позволяет утверждать свободу суверенную. А образ жизни массового буржуазного общества, включая правовую культуру, политическую демократию, права человека — есть торжество свободы институциональной, регламентирующей свободу суверенную. Но проектно-сетевой социум не способствует институционализации свободы, доказательной аргументации, реализуя суверенную свободу, способствует предъявлению, демонстрации мнения, убеждений, декларированию соответствующих посланий. Можно сказать, что наше время — эпоха возврата акцента суверенной свободы после столетий модерна с его акцентированием свободы институциональной, апеллирующей к научной рациональности, праву. Но общий тренд очевиден — элиты все более дистанцируются от «массы», одновременно эту массу порождая и формируя. А дистанцирование и выделенность нуждаются в оправдании и легитимности. Религиозная практика решает эту задачу наиболее просто и эффективно.

Важно только понять, что поиск нового трансцендентного неизбытен для человеческого существования. Неспособность

переживать трансцендентное закрывает (как минимум!) перспективы развития знания и опыта. Человеку не дана вся полнота знания. И для расширения осмысления ему необходимо признание существования (онтологическое допущение) чего-то непознанного, трансцендентного, сопричастность которому открывает путь познания и расширения опыта, открытия новой гармонии, новой целостности мира.

Есть сферы деятельности, которые построены только на поиске нового опыта трансцендирования в иное. И эти поиски большей частью конструктивны и даже социально значимы. Это, прежде всего, наука и искусство. Но даже наука в современном обществе сталкивается с ситуацией оправдания не только социальной значимости, но даже и просто допустимости некоторых исследований — ситуация немыслимая в XIX и первой половине XX столетий.

Возможно, перспективы поиска новой трансценденции связаны с все более отчетливым трендом постчеловечности? Укажем только некоторые его характеристики:

нарастающая утрата искусством традиционной предметности и образности;

практики посттелесности, когда достижения биотехнологий, генной инженерии, медицины, трансплантологии достигли уровня, позволяющего менять не только внешний облик, внутренние органы, но и пол, в результате чего тело из «темницы духа» превратилось в костюм, платье, которые можно не только украшать, но и менять;

все более явное смещение с представлений о сущем, со стремления на основе этих представлений к преобразованию сущего, к потенцированию, овозможиванию сущего — не только с помощью построения компьютерной виртуальной реальности, но и таких социальных практик, как страхование и кредит;

следствием этого является новая мораль, впервые в истории утрачивающая симметричность в отношениях между индивидами (как между поколениями, так и внутри одного поколения), что допускает общность зачатия, вынашивания и появления на свет.

Но самое главное — даже не это, а то, что любой протест, любая девиация, любое творчество, любой прорыв за рамки плоского имманентного мира только способствует его расширению. Более того — вокруг этого протеста, прорыва тут же создается новый рыночный сектор, направленный на удовлетворение и этого желания тоже. Так было с движением хиппи, с революционаризмом New Left, духовными поисками New Age...

Каждое из этих движений, протестовавшее против пошлой плоскости буржуазного общества, только расширяло его, этого общества, разнообразие: «а вот это наши хиппи», «а вот тут — леваки», «а это ребята с альтернативными религиями», «вот тут они собираются», «а вот это их фенички, и их можно даже приобрести

как сувениры»... Похоже, этот плоский имманентный мир способен переварить любую попытку выхода за его рамки. И творчество только накапливает различия в сущем, по сути дела — фрактализирует настоящее. Не более. Но и не менее.

Мы имеем дело с имманентным (данным здесь и сейчас) самодостаточным миром и социумом. И эта его имманентность чревата либо тотальным манипулированием, либо скатыванием в фундаментализм и еще большую закрытость, либо революционаризмом левацкого толка.

Но во всех трех случаях речь идет о выходе за границы имманентного. Манипулятор, неотеократ, революционер апеллируют к критике сущего имманентного, к необходимости выхода за его пределы, получая, тем самым, обоснование установления новой власти. Является ли изощренная медийная манипуляция единственной альтернативой леваческому релятивистскому революционаризму и неофундаментализму или возможен конструктивный выход из этой ситуации? Пока ясно одно — проблема постсекулярности современности это отнюдь и не только вопрос новой религиозности. Дело в неизбежности человеческого трансцендирования в иное. Колоссальный взлет цивилизации за последние столетия связан с инновациями, достижениями науки и техники. И это достигнуто не за счет сверхэксплуатации (как полагают марксисты), не за счет накопления капитала (как полагают традиционные экономисты), а именно за счет открытий научной и инженерной мысли. Также и социальные факторы — особенности культуры, институциональной среды — тут играют вспомогательную роль важных, но только условий реализации человеческой способности трансцендирования в иное, необходимой для расширения и развития социума.

Человек не самодостаточен, а возможно и не самоцелен, не самоценен. Он — принципиально открытая система, открытая для осмысления и переосмысления. Возникает запрос на некую новую «позицию внеаходимости», в том числе в контексте постчеловечности. Что нас ждет... Новое расширение имманентности? Расширение круга причинно-следственных связей? Неорационализм? Но это предполагает уяснение и принятие каких-то новых исходных оснований, онтологических допущений сущего... А значит и — одновременное открытие новых горизонтов трансцендентного.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что современность — особенно в ее российских условиях — имеет дело с серьезным цивилизационным вызовом, который в интеллектуальном плане предстает поиском нового типа рациональности, выходящего за рамки ее целевой и ценностной моделей, строящегося на основании меры и гармонии свободы как ответственности. Но это уже отдельная тема трансформации концепта медиации, его радикально иного толкования.

Ergo

Завершая, позволю себе вернуться к России...

Так, может, и перестать кого-то догонять, надрывать пуп, экономику и общество... Пусть летят все бумеранги свободы и инновационности в свой мир имманентной медиации. А оставшимся — войти в глобализированный мир со своей уникальностью, сделав из страны этакий «бутик духовности» и «практик инверсивного трансцендирования»...

А если серьезно, то...

Медиация, неполитический либерализм не сводятся к институциональной свободе, правам человека, внешней свободе или свободам. Они предполагают — как свою основу и предпосылку — свободу внутреннюю, суверенную, свободу самоутверждения и самоопределения. И внешняя свобода без внутренней невозможна.

А ее отсутствие — главный диагноз российской культуры — спасибо А.П. Давыдову за ясность. Он закрыл тему поиска перспектив российского общества в его культуре, убедительно показав, что русская литература дала ответ и что пришла пора работы ума и души по выработке ответственного самостояния. Каждого из нас. И эта работа нам предстоит. Возвращаясь к началу сообщения — в России, как известно, надо жить долго. Чего нам всем и желаю.

Материал Круглого стола подготовлен А.П. Давыдовым

Продолжение следует